

А началось всё с безумного плана Гоголя.

Сначала он выпросил у Господина В. разрешение отправить его к Фёдору — да не просто так, а поэффектнее, чтобы прямо с неба свалиться. Притаившись, Гоголь с трудом сдерживал клокочущее внутри веселье, терпеливо выжидая, пока взрослые в спешке уйдут на прорыв. И лишь тогда выскочил чертиком из табакерки, надеясь до смерти напугать своего Фёдора.

Фёдор прекрасно знал, что Гоголь — натура неугомонная. И хотя он держал ухо востро, Господин В. слишком благоволил своему эксцентричному помощнику и наделил того непомерной свободой действий. К тому же Фёдор поплатился за собственную скрытность: не пожелав делиться зацепками с остальными, он сам лишил себя помощи.

Из-за этой крупницы недосказанности Аль-Хайтам и решил, что Гоголь не представляет для Фёдора никакой угрозы, а потому со спокойной душой оставил их обоих в безопасном месте.

— Пусть здесь я не могу тебя убить, Фёдор, зато никто не мешает мне хорошенько оттрепетировать!

Сняв цилиндр, Гоголь отвесил Фёдору шутовской поклон. Несмотря на юный возраст, этот мальчишка уже перенял все манеры здешнего безумного мирка — видимо, ни одно его развлечение не обходилось без подобного представления.

Фёдор внутренне подобрался, почуяв неладное. Он слишком хорошо знал повадки Гоголя. Если уж тот кривляется с таким усердием, значит, действительно вознамерился содрать с него три шкуры.

— И даже не думай бежать!

Из прорехи своей поношенной шинели Гоголь выудил колоду карт и картинно принялся их тасовать.

— Красное или чёрное? Ну же, выбирай!

На его лице блуждало детское любопытство. В этот миг, не приглядываясь, его действительно можно было принять за невинное дитя.

— Та-да! Джокер!

В следующее мгновение маска невинности слетела, сменившись хищным оскалом. Взмахнув рукой, Гоголь швырнул карту вверх. Потолок и стены беззвучно содрогнулись, покрылись уродливыми наростами, и в сторону Фёдора рванулись утыканные шипами щупальца, смыкая смертоносное кольцо.

Раздался глухой, влажный хруст.

Острые шипы пробили плоть, пригвоздив конечности Фёдора к полу. Тело пронзила парализующая боль, лишая всякой возможности пошевелиться. Впрочем, при его чахоточном телосложении сопротивление и так было бессмысленным.

— И это номер один! — радостно пропел Гоголь. — Превращение в ежа!

Свою первую смерть Фёдор встретил в тисках невыносимой агонии. Сквозь застилавший разум багровый туман до него доносился чей-то отчаянный женский крик и торопливый, глухой топот бегущих ног.

— Оставь его! Нападай на меня!

— С какой стати? Ты мне не друг!

— Значит, буду им!

— Да что ты вообще обо мне знаешь?! Тебе никогда меня не понять!

Бессвязные, безумные крики кружились в голове Фёдора бесконечным хороводом, пока его жгли заживо, топили в ледяной воде и снова терзали плоть. Круговорот кошмара повторялся раз за разом, пока сознание окончательно не угасло, погрузив его в спасительную тьму.

Когда Фёдор снова пришёл в себя, в нос ударил резкий, солоноватый запах крови. Сознание возвращалось неохотно; сквозь полузабытьё он чувствовал мерную, сильную тряску — его явно кто-то тащил на закорках, спасаясь бегством.

— Кхм...

С его губ сорвался слабый стон. Голова раскалывалась, мысли путались, мешая осознать реальность.

— Потерпите, всё позади, — раздался тихий голос.

Тряска прекратилась. Его бережно опустили на холодный пол.

Фёдор с трудом разлепил веки. Перед глазами всё плыло, пришлось моргнуть несколько раз, прежде чем зрение прояснилось. По телу, начиная от рук, разливалось мягкое, целебное

тепло, от которого свежие раны начали невыносимо зудеть, затягиваясь прямо на глазах.

Фёдор потрясённо замер. Наконец он разглядел свою спасительницу. Это была Сонечка. Но на её бледной коже прямо из ниоткуда проступали рваные, кровоточащие раны — те самые, что мгновение назад терзали его собственное тело.

— Твоя... это твоя эсперская способность? — выдохнул он.

— Да, — тихо ответила Сонечка.

Она не стала ничего утаивать и призналась во всём со смиренным спокойствием, хоть и сама не понимала, почему её эсперская способность сначала бесследно исчезла, а теперь вернулась с прежней силой.

— Значит, теперь ты носишь мои увечья, — медленно произнёс Фёдор, приподнимаясь на локтях.

Лицо его исказила сложная гамма чувств. Раны — это лишь преддверие смерти, они всегда приносят мучения, которые обычному человеку трудно даже вообразить. Он не мог взять в толк, какой силой духа или безумием нужно обладать, чтобы добровольно обречь себя на этот ад ради едва знакомого человека.

— Не переживайте за меня. С тех пор как у меня появилась эта эсперская способность, я научилась терпеть.

Для других эсперов их эсперские способности были грозным оружием или великим благом, но Сонечке её сила приносила лишь вечные страдания. Ведь суть её эсперской способности заключалась в одном — забирать чужую боль.

Всё началось давно. Глядя на вечно пьяного отца, на изнывающую от жестокой чахотки мать и плачущих навзрыд младших братьев и сестёр, Сонечка в отчаянии думала:

«Господи, если бы я только могла забрать их муки себе...»

Эта робкая, безрассудная молитва была услышана. Проснувшись однажды утром, Сонечка подошла к постели матери и сжала её исхудавшую руку. Произошло чудо: раздирающий грудь кашель мгновенно утих.

Платой за это чудо стал сухой, саднящий зуд в её собственных лёгких.

Но теперь, когда в этом странном месте её эсперская способность на время иссякла, забранные болезни вернулись к прежним владельцам. И её родные дома вновь слегли, не в

силах подняться.

Фёдор слушал её исповедь с непроницаемым лицом. О чём он думал в этот момент — оставалось тайной за семью печатями.

Эсперские способности неизбежно несли проклятие. Стоило хоть раз ослабить контроль, и эта сила оборачивалась катастрофой для всех вокруг. Однако даже это первородное бедствие блекло перед лицом ненасытной человеческой алчности.

— С тех пор я шаг за шагом забирала все их хвори.

Открыв в себе этот дар, Сонечка простодушно доверилась родителям. Поначалу те прикусили языки от страха, сочтя её слова безумием. Но быстро распробовали вкус безбедной и здоровой жизни и принялись безжалостно эксплуатировать собственную дочь. Сонечка таяла на глазах: её то и дело одолевала мертвецкая усталость, а в голове шумело, словно от дешёвого кабацкого пойла, хотя она не брала в рот ни капли.

Спасло её лишь одно — родители не проболтались соседям. То ли боялись, что суеверные москвичи сожгут девушку как ведьму, то ли просто не желали делиться столь ценным «домашним лекарем» с чужаками.

Так Сонечка и выживала, служа для собственной семьи ходячим донором жизни.

— Вы отдали им всё, — негромко произнёс Фёдор. — И никогда не требовали ничего взамен?

— Ну что вы... Они ведь моя семья.

Фёдор промолчал. Ему хотелось возразить, указать на очевидное убожество её близких, но бросив взгляд на её разорванный в клочья подол — следствие отчаянного бегства ради его спасения, — он понял: эта блаженная девица поступила бы точно так же ради любого встречного.

Её яркое, аляповатое платье, казавшееся неуместным, на деле служило лишь одной цели — скрывать вечно сочащуюся сквозь бинты кровь.

Какая злая ирония: эспер безропотно принимает муки обычных людей, а те, кто должен оберегать её, медленно сводят девчонку в могилу. И корень этого уродства крылся даже не в порочности душ, а в беспросветной, гнетущей нищете, калечащей всё человеческое.

Сонечка упрямо твердила, что её родители — добрые и работающие люди. Просто от непосильного труда они надорвались, а скудных грошей едва хватало на хлеб. На лекарей денег не было, а без лечения они теряли последнюю возможность работать.

Потому Сонечка каждую ночь истово молилась, умоляя Господа позволить ей, недостойной дочери, забрать себе мучения тех, кто подарил ей жизнь.

Вот только вернув себе здоровье её силами, трудиться они больше не пожелали.

— Я знаю... — тихо вздохнула девушка. — Сорвавшемуся в бездну человеку трудно остановиться. Но я буду рядом. Буду помогать им подняться, сколько потребуется.

Ей не нужно было многого. Лишь бы отец перестал беспробудно пить, лишь бы в доме смолкли вечные пьяные слёзы, а жизнь потекла тихо и мирно, как у приличных людей.

Она не могла спасти весь мир, но пройти мимо страдающего человека, кем бы он ни был, для неё было выше сил.

— Ну вот и всё. Давайте я помогу вам добраться до безопасного места, а потом мне пора возвращаться.

Оглядевшись по сторонам, Сонечка осторожно взяла Фёдора за руку и повела за собой, петляя среди полуразрушенных стен и укрываясь от рысующих поблизости угроз.

Фёдор прикрыл глаза, а затем медленно их разомкнул.

Всё, во что он свято верил, под взглядом этой нелепой девчонки рассыпалось прахом, обнажая глубокое, непреодолимое противоречие. Они оба несли бремя эсперских способностей. Но Сонечка впитывала чужую боль до последней капли, тогда как он сеял вокруг лишь смерть и разрушение.

«Господи, за что Ты караешь верных слуг Твоих столь изощрённым уродством?»

В груди Фёдора словно разверзлась ледяная пустота, сквозь которую завывал пронизывающий сибирский ветер.

Его умом овладела дикая, крамольная мысль: поменяйся они эсперскими способностями, его собственные родители остались бы живы, а Сонечка со своей святой простотой легко избежала бы уготованного ей погребения заживо.

Всё зло шло от этих проклятых эсперских способностей! Почему они распределяются так слепо и жестоко? Почему эта скверна вообще отравляет их существование?

Не будь эсперских способностей, мир не содрогался бы в конвульсиях бесконечных войн. Не было бы этих нелепых, противоестественных смертей. И он сам не нёс бы клеймо палача и грешника.

Всё было бы правильно. Просто и счастливо.

«Какая злая шутка: даже эта чистая, безгрешная душа несёт в себе первородный грех в виде своей эсперской способности», — думал Фёдор.

Словно ища оправдание зреющему внутри умыслу, он принялся хладнокровно рисовать в воображении её грядущую участь. Рано или поздно родители продадут её военным, превратив в вечный, послушный резервуар для исцеления раненых солдат. Либо её измученное тело просто не выдержит очередного наплыва чужой гнили и развалится на части.

«Какая жалкая, беспросветная судьба ждёт тебя, Сонечка».

Впереди её не ждало ничего, кроме вечной агонии.

Фёдор опустил взгляд на их сомкнутые ладони, затем посмотрел на её лицо. Сонечка шла чуть впереди, робко и затравленно озираясь по сторонам.

В этой своей хрупкости она казалась трогательной, беззащитной — точь-в-точь как лесной зверёк, выгнанный хищниками из тёплой норы на мороз. Но смерть сотрёт эту неброскую красоту. Её плоть разорвут на куски, обнажая белизну рёбер, а бездыханный труп швырнут в безымянную яму гнить вместе с нечистотами.

«Убей её. Оборви её дни сейчас, пока она чиста и невинна, спаси от неизбежного кошмара».

В эту секунду в его душе лавиной сорвалась удушливая, ядовитая смесь из зависти, ужаса и слепого милосердия. Жажда убийства пустила корни глубоко в его разум, словно сорная трава, которую невозможно выполоть подчистую. Он попытался потряхнуть головой, отогнать этот морок, но тёмные мысли уже заполнили сознание до краёв, вытесняя любые другие чувства.

После короткой безмолвной борьбы Фёдор решился. Рука сама скользнула в широкий рукав, нащупав спрятанный клинок. Направив острие к её обнажённой шее — самому уязвимому, податливому месту, — он затаил дыхание.

Оставались считанные сантиметры. Пока она не обернулась.

Зрачки Фёдора сузились, весь мир сжался до пульсирующей на её шее артерии. Удар должен быть безупречным: рассечь сонную артерию и трахею одним движением, не давая издать ни звука.

— Фёдор!

В самый последний миг чья-то железная хватка мертвой петлёй сомкнулась на его запястье.

Бросивший его ранее опекун возник за спиной с какой-то сверхъестественной, пугающей скоростью, мгновенно пресекая любые попытки шевельнуться.

«Провал».

«Спасён».

Две противоположные мысли беззвучно столкнулись в пространстве между ними, проложив незримую, но непреодолимую черту.

Фёдор безвольно уткнулся лбом в плечо Аль-Хайтама. Отрезвляющие, резкие слова опекуна вмиг развеяли то безумное марево, что только что клочкотало в его груди.

«Если бы Сонечка сейчас умерла...»

Тогда он покинул бы Москву без тени сожаления, чтобы однажды вернуться сюда с оружием, способным раз и навсегда стереть с лица земли всех эсперов до единого.

Как жаль.

Сонечка осталась жива. Отповедь Аль-Хайтама и подоспевшего Тургенева окончательно смешала все его мысли, лишая последних остатков воли. Теперь Фёдору не хотелось делать ровным счётом ничего.

<http://bllate.org/book/18256/1755714>